

Binová, Galina Pavlovna

Расширение возможностей "малой" эпической формы в современной советской прозе

In: *Genologické studie. I.* 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 1991, pp. 203-210

ISBN 8021001240

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132262>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ "МАЛОЙ" ЭПИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ПРОЗЕ

Галина Винова (Врно)

Талант всегда ищет воплощения в форме, близкой ему по духу. Настоящий художник не будет "новеллистические" прерывистые события, факты, хитейские случаи перемалывать в однообразный студень водянистого, "бескостного" романа, раскатывая их в длину "резиновых схетов". Он не засыплет читателя анемичной описательностью бессодержательных, размывавших портрет подробностей. Сама жизнь требует от художника верного глаза и уверенной руки мастера, выбирающего нужный для дела жанр. Рассказ обладает огромными возможностями в раскрытии сложностей жизни, позволяет каждому лицу, удачно найденной ситуации выливаться и рассказать о себе лаконично, но точно и выразительно. Расцвет жанровых форм рассказа в современной литературе говорит о его оперативности, актуальности и исследовательском характере. Форма эта, необычайно динамичная и гибкая, учит видеть импрессионистски мгновенно и точно, мазок — и миг уподоблен вечности, приравнен к жизни. А. Фрейлих, отмечая рост "престижа повести и рассказа" в современной литературе, связывает его с тем, что "поднялся престиж момента", то есть и мимолетности можно придать характер явления и один день увидеть как "момент века" ("именно в этом смысл романа Ч. Айтматова "И дольше века длится день")¹. Но и малая форма способна вместить в себя насыщенный, многомерный жизненный поток, разумеется, своими средствами. Художественное исследование на материале единичного события значительных, нечастных явлений действительности невозможно, естественно, без стремления к лаконичности, концентрированности мысли, действия, сюжетной емкости, точности реальных. Художественное воссоздание жизни на уровне частной коллизии дает возможность сгустить смысловую нагрузку произведения в отдельном проявлении, поступке индивидуума, делает значимым каждый штрих его характера.

Какие же основные тенденции в развитии жанровых аспектов современного рассказа можно отметить? Современному рассказу при-

суша свободная и емкая композиция, которая избегает строгой замкнутой сюжетности, с широкими авторскими раздумьями о жизни человека и природы, часто с отсутствием завершенной концовки. В центре рассказа чаще нравственные проблемы, нравственное состояние общественной жизни. Талантливым рассказчикам свойствен устойчивый интерес к поискам в области сюжетостроения и фабулы. В последнее время рассказ все более осваивает такие формы художественного изображения, как рассказ - притча, рассказ - аллегория, фантастический рассказ - как художественные возможности реализма, как этап движения к новым синтетическим формам.

Лучшие рассказы свидетельствуют о чуткости художников к "малой" прозаической форме, о творческом понимании динамики и логики жанра. Однако реализация внутренних возможностей и своего рода художественных ресурсов жанра осуществляется по-разному в творчестве различных писателей. Различные жанровые принципы обеспечивают специфический отбор материала и изобразительных средств. Например, если сравнить таких двух маститых советских рассказчиков, как Ю. Казаков и В. Шукшин, то у Казакова можно отметить изощренную бунинскую живописность, пластическую выразительность описаний, изящную акварельность красок. У Шукшина же - грубовато-озорная стихия народного юмора, чуткость к комизму положений и меткому народному слову. Очевидно, специфичность художественной интерпретации определяется отбором материала. Рассказы Казакова построены на принципе свободного соединения отдельных сцен, картин, сцепленных раздумчивой авторской интонацией. Казаков стремится живописать жизнь сочно, ярко. Лирический герой многих рассказов Казакова, как "очарованный странник" открывает красоту мира, родной природы, показанной, как правило, в ее целостности, гармоничности мироощущения. У Шукшина иные жанровые принципы: его интересуют прежде всего характеры в их внутренних настроениях и переживаниях, не всегда понятных окружающим и им самим. Шукшину свойственно сюжетное восприятие действительности в ее драматических сдвигах и неожиданностях. Рассказы его преимущественно построены на живом психологическом диалоге, который не только играет главную композиционную роль, но зачастую несет все богатство содержания. По-своему ставит Шукшин проблемы культуры - как столкновение разных пластов культуры, знаний и полубразованности ("Срезал", "Штрихи к портрету" и др.), а не романтическое противопоставление первобытной дикости городской цивилизации. В центре его рассказов не человек и природа, человек и культура, как у Казакова, а человек среди людей, подъем чувства личности, связанный с социальными и иными переменами. Шукшин показывает не только внешнюю сторону сдвинувшихся с места характеров, но и драматизм и вынужденность, которые сопутствовали уходу из деревни (напр. рассказ "В профиль и анфас"). И всегда он стремится проникнуть в сокровенное, глубже заглянуть в душу, казалось бы, примелькавшегося человека. Действительность у Шукшина чаще показана отнюдь не в ее целостности и гармоничности, а в противоречиях и диссонансах. Поэтому сюжеты даже лирического характера напряжены и гораздо аналитичнее, чем у Солоухина, Казакова и других представителей лирической прозы. Лиризм произведений Шукшина ближе чеховскому лиризму, преимущественно связанному с психологической глубиной и теплотой эмпирического мировосприятия.

Шукшин не пренебрегал формами и средствами лирической организации материала (леймотивы, ритмическая композиция, мелодика фраз и т.д.), лиризм составляет неотъемлемый элемент таланта этого художника. Но, наверно, если бы рассказы Шукшина были только духовного содержания и не передавали бы динамизм жизни и времени, они так не притянули бы к себе сердца и симпатии современного читателя. В творчестве Шукшина авторский лиризм тесно слит с социально-психологическим анализом. В отличие от многих рассказчиков, пишущих о деревне, он не чуждался острой интриги, фабульной завершенности в построении произведения. Характеры своих героев автор проверяет именно в действиях, конфликтных ситуациях, которые он умеет закрутить и преподнести во всей неожиданности в духе О. Генри. Не надо забывать, что родословная "малого жанра" восходит к анекдоту, новости, занимательной истории, которая интересна сама по себе. Хотя бы рассказ Шукшина "Сураз" с фейерверком казалось бы, немотивированных, парадоксальных поступков героя, сюжетных изгибов. Тот самый Спирька, который два дня отстреливался с милицией из-за хитика зодки и потом "дыхтел" за это пять лет, вдруг поражал нас своей добротой. "Мог снять с себя последнюю рубашку и отдать - если кому нужна. Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера пластаться, там, а к ночи приехать машину каким-нибудь одиноким старикам". "Он вроде бы с самыми добрыми намерениями идет знакомиться с приехавшими в деревню молодыми учителями, с первого взгляда влюбляется в учительницу (что впрочем не мешает ему отправиться в очередное "логово" - к вдове Нурке), через три дня идет с ружьем убить мужа учительницы, а в финале рассказа кончает жизнь самоубийством. Именно в этих неожиданных переломах действия, своеобразных сюжетных "сальто", как в зеркале, отразилась вся несуразная скособоченная жизнь Спирьки Расторгуева. В основе сюжетных построений многих рассказов Шукшина лежит неожиданное "узнавание" или резкий перелом в характере героя. Такие структуры, как известно, типичны для новеллистического повествования. Шукшин, несомненно, тяготеет к новеллистической фабульной определенности, схематому глагольному письму, резким поворотам и неожиданным действиям героев. Он часто использует формы объективированного эпического повествования, которые дают более возможностей раскрытия жизни в реальном ее многообразии; при всей симпатии или антипатии к своему герою он остается верен не только своим чувствам, но прежде всего движению жизни во всех ее поворотах. "... Ему (Шукшину - Г. Б.) нужен резкий и объективный (не авторский) герой, поданный через его героя, позицию..."

Можно отметить заметный поворот современного рассказа в сторону быта. "Общая тенденция здесь такова: от лирически-романтизированной изображения жизни, что было характерно для рассказов К. Паустовского, С. Антонова, Ю. Казакова, ст социально-аналитического рассказа Шукшина, который тяготел к изображению странного типа, человека рядового в нерядовой ситуации, повернутого каким-то боком к нравам, привычкам, укладу жизни, "среди", рассказ обращается к исследованию самой этой "среды", жизни "человека массы", внешне ничем не примечательного, погруженного в повседневный быт. И стал улавливать идеальные начала, одухотворенность именно в эго жизни.⁴ Эта тенденция проявлялась уже в творчестве Шукшина. Некоторые критики неоправданно видели в Шукшине писателя

сугубо эмоционального, не философского, а артистического свойства таланта, такого хитрейшего специалиста по правам. Но зедь быт - тоже один из ликов бытия, бытовые подробности придают изображаемому реалистическую достоверность, но главное - воссоздают внутренний мир героя. Так, в рассказе Шукшина "Алеша Веконвойный" через бытовые подробности раскрывается душа главного героя, свободного от мелочной суетности и машинальности, способного разумно, осмысленно радоваться жизни, задумавшись над ней. "Проза его (Шукшина - Г. Б.) - это преодоление быта во имя познания невидимого в человеке, невидимого и неслышимого. Она начинается в быте, но тянется горным снегам".⁵ В повседневных неброских фактах Шукшин умеет разглядеть неожиданное в обыденном, драматическую насыщенность жизни, разветвленный конфликт. И в форме малой прозаической миниатюры Шукшин умеет выразить человека сразу и за ним заставляет почувствовать большой план жизни. Нравственные, эстетические и духовные искания неизбежно выводят писателя на философию. Так было и с Шукшиным. От конкретного к общему - таково движение его рассказов. Именно принципы автономной типизации и техники письма обеспечили малому жанру возможность существенно наращивать содержательность и выводить идейный, социальный и философский планы повествования далеко за рамки сюжета или чистой интриги. Стало возможным охватить в пределах рассказа историю целой жизни, рассказ становится своего рода закодированным романом. Зрелые рассказы Шукшина - это не анекдотические сценки, а судьбы героев. В эволюции художника очевидно движение от характеров к типам, речь в них идет не о том, как поступить, а о том, как жить. Шукшин, утверждавший, что в рассказе в первую очередь должны быть дела человеческие, все чаще обращается к вечным этическим темам, тайнам бытия, проблемам духовности личности, нравственного самосознания, доброты и совести (таковы рассказы "Горе", "Эй, человек", "Залетный", "На кладбище" и т.д.). Возрастает социальный анализ, писатель стремится к синтезу, к художественным обобщениям, к философскому осмыслению действительности. Меняется содержание - меняются и конкретные "содержательные формы" произведений, совершенствуется литературная техника. Рассказы Шукшина никак не назовешь однообразными. Даже если написаны на одну тему, писатель "пробует" разные способы их содержательного наполнения, различные формы сюжетостроения. И инсценировку бытовой микроситуации, где диалог несет все богатство содержания ("Вянет, пропадает..."), и рассказы-воспоминания, мо-

значное фабульное построение которых напоминает кадры киномонтажа (цикл "Из детских лет Ивана Попова"), и страшный э своей документальной скрупулезности рассказ-исповедь в защиту человеческого достоинства ("Кляуза") и т.д. В жанровой палитре шукшинской "малой" прозы и рассказ-анекдот, и рассказ-характер, и рассказ-судьба.

Шукшина отличает смелое экспериментаторство и в области стилистической системы. Писатель смело переступает рамки бытового реализма, заявляя о себе как мастер разносторонний и разнообразный. Стилиевой диапазон произведений Шукшина широк: от бытовой достоверности, натуральности, почти "протокольности" и нарочитого отсутствия стилизации до богатого использования различных форм художественной условности, совмещения реального и фантастического планов, применения гиперболически условного заострения, "заворачивания" бытовых ситуаций, гротеска, лабораторного исследования современности на литературных моделях и традициях художественного острания и т.д.

Вместе с усложнением проблематически жестче и напряженнее становится стиль, меняются формы и средства комического. Нужно сказать, что юмор был для Шукшина категорией мировоззренческой. При имени Шукшина у большинства из нас вызываются ассоциации с озорной стихией народного юмора, неисчерпаемого источника деревенского острология. Комическое и трагическое прекрасно уживаются в творчестве писателя, образуя оригинальный художественно-эстетический сплав. Однако нужно отметить, что хотя до конца своей жизни, до последних своих произведений Шукшин в общем оставался верен себе э смысле взаимодействия и взаимопроникновения комедийных и трагедийных элементов и интонаций, все-таки заметна определенная тенденция. Если в первых произведениях писателя отмечаем в целом миролюбивые, порой идиллические интонации с преобладанием юмора, то в процессе мухания автора юмор все чаще переходит в сатиру, комические интонации все чаще переплетаются э трагикомическими, которые прорываются в высокие трагедийные ноты. От светлых, безобидных рассказов э сельских хитцах, через неоднозначные - то юмористические, то иронические, то полусаркастические повествования э всевозможных "чудиках" к острым, беспощадным произведениям, жанр которых сам автор обозначил как "сатирическая повесть" ("Снергичные люди") и повесть-сказка ("Точка зрения", "До третьих петухов") к произведениям высокого трагедийного напряжения ("Кляуза", "Калина красная", "Я пришел дать вам волю") - такова эволюция писателя.

В творческом методе В. Шукшина органически сочетается эпический лиризм с социально-психологическим аналитизмом и социально-исторической конкретностью изображаемых явлений. Жизнь материю этого оригинального художественного наследия составила национально-народная стихия. Драмы жизни и ее нелепости, комедии и трагедии, сотни разнообразных характеров и ситуаций слились в творчестве Шукшина в единое художественное целое, ядром которого стало бытие народа во всем богатстве и многообразии.

Заявлять, что Шукшин в "малой прозе" - новеллист, а не рассказчик, считая это, как В. Гусев, "чертой натуры, дарования", значит, на наш взгляд, односторонне смотреть на дарование этого художника. Вернее сказать: Шукшин и новеллист и рассказчик. В его рассказах событийный и "духовный" сюжет находится как бы в равновесии. Действия сами по себе были не целью, а средством; писатель сосредоточивает все внимание не на разгадывании "закрученных" сюжетных ходов, а на душевном состоянии героев. Собственно основу сюжетов его рассказов составляет большей частью не внешние, а "внутренние" биографии, психологическое раскрытие характеров. Не случайно один из сборников Шукшина так и назван - "Характеры". Нравственные коллизии - двигательная сила сюжетов рассказов Шукшина. И гуманистическое содержание этих произведений чаще выражается не в авторских медитациях или лирических отступлениях, а именно через характер героя, как правило, беспокойный, метущийся.

Таким образом, опыт Шукшина-рассказчика подтвердил неограниченные возможности малой прозаической формы. Рассказы Шукшина перестали быть только фактами его, шукшинской творческой биографии, они заняли свое место в традиции рассказа, в динамике жанра. Подобную тенденцию можно отметить и в рассказах П. Нилина, Г. Гранина, В. Нагибина, молодых прозаиков Михальского, Кима, Краснова и др. Внешне эти рассказы мало чем примечательны, события в них самые обыденные, но именно быт в этих рассказах выступает тем стимулом, который вызывает в душах героев беспокойство, неудовлетворенность. Сквозь бытовую план проступает другой, более значительный, приобретающий в раздумьях персонажей и автора значение поиска истинных духовных ценностей. В своей совокупности авторам малой прозаической формы удается уловить нравственное состояние нашего современника, реалистически глубоко проникать в диалектику сложных социально-этических проблем.

В заключение хочется отметить необычайную социальную мобильность современного рассказа, что, очевидно, тоже обеспечивает ему живучесть и популярность. Рассказ быстрее других жанров улавливает изменения в атмосфере общественной жизни, быстрее реагирует на них. И не только потому, что рассказ короче, гибче, но сама специфика жанра позволяет наиболее резко, остро сталкивать противоборствующие тенденции. Это мгновенный отклик на злобу дня,

и в этом мгновении рассказчик должен верно угадать идею времени, тенденцию жизни. Рассказ предполагает свежий взгляд на явления, кажется, хорошо знакомые, примелькавшиеся, но взятые автором в новых связях и отношениях. Хороший рассказ - всегда открытие в какой-то жизненной сфере, в человеческих характерах, в бесконечности познания, в неожиданности и незавершенности нравственных проявлений.

Примечания

- 1 Фрейлих, С.: Динамика современности. Новый мир 10, 1982, 242.
- 2 Шукшин, В.: Точка зрения. Рассказы, повести. Алтайское кн. изд-во 1979, 96.
- 3 Гусев, В.: Пространство слова (О двух стилевых тенденциях современной прозы). В кн.: Литература и современность. Сб. 17. Москва, Худ. литература 1980, 125.
- 4 Этов, В.: Заметки о современном рассказе. Литература в школе 1, 1983, 8.
- 5 Золотусский, И.: Познание настоящего. В кн.: Литература и современность. Сб. 15. Москва, Худ. литература 1977, 159.
- 6 Гусев, В.: Пространство слова (О двух стилевых тенденциях современной прозы). В кн.: Литература и современность. Сб. 17. Москва, Худ. литература 1980, 125.